

не говоря уже о других более интенсивных формах использования языка, возможен только потому, что каждое слово и каждый языковой элемент заряжен бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков, и мы даже и сами не замечаем, какое огромное количество этих оттенков выступает в наших словах и какое огромное количество этих оттенков должно заключаться в наших словах, чтобы мог состояться самый обыкновенный разговор. Поэтому бесконечная смысловая заряженность каждого языкового элемента является подлинной спецификой языка, и только здесь то неподвижное «основное» значение слова, о котором мы говорили вначале, становится живой и подлинной динамической картиной выражаемых нами мыслей в языке.

В сравнении с этой смысловой заряженностью всякой языковой валентности парадигматические и синтагматические смысловые оттенки, конечно, представляются чем-то статическим, малоподвижным и указующим не столько на живую смысловую подвижность языка, сколько на статичность результатов их функционирования, получаемых не как «энергия», но именно как «эргон», если употреблять старинную терминологию Гумбольдта. То или иное парадигматическое и синтагматическое множество не есть смысловое движение языка, но есть только неподвижный результат этого движения.

Точно так же нельзя заменить термин «валентность» термином «контекст». Хотя контекстов и существует бесконечное множество, тем не менее самый этот термин звучит достаточно статично и не указывает на смысловую мощь, которая содержится в языковой валентности. Контекст — это тоже результат движения того или другого языкового элемента в тех или иных сегментных пределах, в то время как термин «валентность» уже по самой своей этимологии указывает на исходный и максимально насыщенный момент движения, а не на какую-нибудь вторичную и результативно возникшую точку этого движения.

Таким образом, языковую валентность необходимо отличать от: 1) основного значения слова, 2) полисемии, 3) сочетаемости отдельных языковых элементов, 4) парадигматического и 5) синтагматического множества, 6) контекста и тем самым 7) дистрибуции (которая, как известно, есть не что иное, как совокупность определенных контекстов для данного языкового элемента). Все эти категории вполне реально функционируют в языке, но они отличаются статическим, а не динамически заряженным характером. Не вводить в современное языкознание момента валентности — это все равно, что в естествознании игнорировать ядерную физику и понимать атом в свете тех же самых статических представлений, которые существовали в науке полтора столетия назад.

6. Заключение

На основании предыдущих соображений мы склонны придавать категории языковой валентности очень большое значение для построения всего общего языкознания.

В 30-е годы прошлого века Вильгельм Гумбольдт выдвинул учение о языке как о способе понимания мира. И эта доктрина имела и еще до сих пор имеет огромное значение. Однако в настоящее время общее языкознание владеет такими категориями, которые заставляют нас истолковывать эти идеи гораздо шире и глубже. Несмотря на полную правильность учения о том, что язык есть не «эргон», но «энергия», оно оказывается уже устаревшим, и требуется его новая формулировка. Значительную роль в этом играет именно категория языковой валентности. Здесь приходится формулировать несколько пунктов, которые едва ли можно ограничить пределами старого и нового гумбольдтианства.

Валентность языка тоже есть своего рода «энергия» языка. Но с точки